

тике. Видимо, все более назревает необходимость четкой координации работ по ЭИ, возможной лишь с созданием научно-организационного центра, который объединил бы творческие усилия исследователей этой проблемы.

**С. В. Соколовский**

## **РОЛЬ ДАННЫХ ОНОМАСТИКИ В ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Антропологи, археологи и этнографы при решении ряда конкретных проблем этногенеза и этнического состава территорий в древности неоднократно обращались к материалам ономастики (М. А. Кастрен, В. В. Радлов, А. П. Окладников, П. Н. Третьяков, Л. Згуста, С. А. Токарев, Г. А. Капанцян и др.). При этом они опирались на такие хорошо известные специалистам свойства ономастикона, как устойчивость, традиционность, способность отражать особенности географической среды, хозяйства, отношений с другими народами. Свойство же онимов отражать «биологическую природу человека, его антропологические особенности»<sup>1</sup>, в том числе не только «пигментацию кожи, глаз, волос»<sup>2</sup>, но и целый ряд характеристик исторических популяций, пока не привлекло внимания антропологов в той мере, в какой оно того заслуживает. Между тем развитие в антропологии системных представлений, выразившихся в популяционной концепции расы и хранящаяся в ономастиконе информация о структурах и ареалах исторических популяций делают обращение антропологов к результатам ономастических исследований не только полезным, но и необходимым.

В исторической ономастике разработан целый комплекс методов, гарантирующих известную степень надежности этноисторических реконструкций. В их числе метод формантов<sup>3</sup>, разработка теории топонимической системы и топонимического ландшафта<sup>4</sup>, метод картографирования<sup>5</sup>, методика анализа субстратных топонимов и проблемы их стратиграфии<sup>6</sup>. Эти строго научные методы, основанные на анализе массового топонимического и антропонимического материалов, однако, не ориентированы на решение собственно антропологических проблем (например, на исследование межэтнических отношений в зоне формирования так называемых контактных рас, где вопрос о характере этнических границ может быть принципиальным). Подобные специальные аспекты ускользают от внимания лингвистов и географов, что заставляет представителей других наук обращаться к самостоятельному анализу ономастикона изучаемого народа. Вторжение на «чужое поле», где гос-

<sup>1</sup> Суперанская А. В. Имя и эпоха (К постановке проблемы). — В кн.: Историческая ономастика. М.: Наука, 1977, с. 7.

<sup>2</sup> Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. — М.: Наука, 1973, с. 38—39.

<sup>3</sup> Ср. многочисленные работы В. А. Никонова для территорий Поволжья и Украины, А. К. Матвеева для европейского и сибирского Севера, А. П. Дульзона для Западной Сибири и др., а также сб. «Развитие методов топонимических исследований» (М.: Наука, 1970).

<sup>4</sup> Ср.: Никонов В. А. Закон ряда в географических названиях. — *Onomastica*, 1958, № 6, s. 57—73; Жучкевич В. А. Принципы использования топонимии при историко-географических разысканиях. — В кн.: Питання сучасної ономастики. Київ: Наук. думка, 1976, с. 59—63; Карпенко Ю. А. Признаки молодости топонимической системы. — В кн.: Перспективы развития славянской ономастики. М.: Наука, 1980, с. 48—57; *его же*. Разноязычная топонимия и границы топонимической системы. — In: *Beiträge zur Theorie und Geschichte der Eigennamen* (Linguistische Studien, 30). B., 1976, S. 83—93.

<sup>5</sup> Любимова Е. Л. Картографический метод в топонимике. — В кн.: Топонимика. вып. 4. М.: Моск. фил. Геогр. о-ва СССР, 1970, с. 8—9; Топонимика и историческая география. М.: Моск. фил. Геогр. о-ва СССР, 1976.

<sup>6</sup> *Rospond S. Stratigrafia słowiańskich nazw miejscowych*. Wrocław, 1974 — t. 1; 1976 — t. 2.

подствуют специфические приемы и методы исследования, при современном уровне специализации всегда сопряжено с большими трудностями. На наш взгляд, выход можно найти путем выделения ограниченного числа значимых для антропологии сюжетов, где материалы ономастики могут дать необходимую информацию.

В данной статье ставится задача выяснить возможности использования ономастических данных в решении ряда конкретных антропологических проблем. При этом особое внимание обращается на интенсивно формирующуюся сегодня в ономастике систему индикаторов, позволяющую локализовать и датировать изучаемое явление. Конкретные случаи использования топонимии и антропонимии взяты из знакомой автору истории алтайских меннонитов — потомков нидерландских переселенцев, сложившихся в XVI—XVII вв. на территории Привисленского Поморья в этноконфессиональную общность и мигрировавших позднее в Новороссию (1789—1870 гг.), а затем на Алтай (1909—1911 гг.).

Прежде чем перейти к рассмотрению упомянутой системы индикаторов, перечислим те группы задач, при решении которых привлечение данных ономастики может дать ценную информацию для антрополога.

1. Изучение структуры исторических популяций: их размеров, границ, степени изоляции, времени возникновения, брачной структуры, миграции генов, системы расселения и т. п.

2. Реконструкция ареалов расселения племен и народов; проблема границ расселения этноса; определение этнического состава территории в отдаленное время, интенсивности и характера межэтнических контактов на новых территориях, в том числе и процесса метисации.

3. Уточнение маршрутов древних миграций, истории заселения территорий; реконструкция процессов расселения этносов.

4. Установление хронологических рамок процессов и явлений (возраста поселений, миграций, процессов этнического смешения и т. д.).

5. Реконструкция экологических условий; флоры, фауны, физико-географического и культурного ландшафтов, населяемых исследуемым этносом или группой популяций.

Поскольку на практике автор сталкивался главным образом с задачами первой и третьей групп, ономастические методы, способствующие выяснению остальных проблем, охарактеризованы менее полно по доступной литературе. Предложение некоторых новых теоретически возможных индикаторов носит по этой же причине предварительный характер и нуждается в проверке.

1. **Индикаторы популяционной структуры.** Представление о популяциях как об элементарных единицах эволюции рас сделало насущными исследования их фундаментальных свойств: структуры, размеров, динамики. Положение, однако, усложняется тем, что антрополог может исследовать лишь современные популяции; прямых методов изучения структур и размеров исторических популяций (в генетическом, а не в палеоантропологическом значении термина) не существует<sup>7</sup>. В такой ситуации подключение любых дополнительных источников информации может существенно обогатить наши представления об эволюции популяционных структур. С этих позиций легко объяснить интерес антропологов, антропогенетиков и демографов к такому классу ономастического пространства, как патронимы. Фамилии, в силу наследуемости и связанной с этим свойством способности «отличать членов родственной группы от неродственных лиц»<sup>8</sup>, наиболее часто использовались в антропобиологических исследованиях. В статье техасских антропологов перечислены следующие причины интереса к патронимам: «1) Фамилии ведут себя как гены. Многие генетики и антропологи использовали патронимы для оценки степени родства, размера популяции, гетерогенности вос-

<sup>7</sup> Ср.: Алексеев В. П. Популяционная структура человечества и историческая антропология. — Сов. археология, 1970, № 3, с. 21; *его же*. Историческая антропология. М.: Высш. школа, 1979, с. 106—127.

<sup>8</sup> Blandár V. Personennamen und Sprachgemeinschaft. — In: Recueil linguistique de Bratislava. V. 5. Bratislava, 1978, p. 224.

производства, аккумуляции идентичности генов и вероятностей элиминации гена; 2) фамилии можно использовать для идентификации детей и родителей, и, таким образом, они являются индикаторами фертильности; 3) фамилии можно использовать для оценки роста популяции; 4) для исследования миграций, особенно миграции в популяцию; 5) для выявления связей между популяциями, если есть предположения об их происхождении...»<sup>9</sup> Кроме этого, американские исследователи отметили роль часто употребляющихся личных имен, а также сменяющихся орфографических традиций в определении времени рождения индивида. Частоты личных имен, по их мнению, можно использовать при автоматизированном составлении генеалогий и сопоставлении различных банков данных: рождений, браков, смертей<sup>10</sup>.

Не останавливаясь на таких хорошо известных методах оценки структуры популяций, как различные варианты расчета коэффициентов инбридинга по изонимии (добрачной однофамильности супругов)<sup>11</sup>, обратимся к антропологически еще не освоенным сферам ономастики, позволяющим с разными степенями приближения оценивать параметры исторических популяций. Вопрос об отражении системы биологических связей внутри- и межпопуляционного характера не только в такой лингвистической системе, как патронимы, но и в других сферах ономастического пространства имеет глубокое философское основание — интегральную социально-биологическую природу эволюции популяций человека. В языке как одной из социальных систем отражаются не только «верхние этажи» популяционной иерархии (этнонимы, научные и народные названия рас), но и общности более низких рангов. При этом язык может отражать их как непосредственно, располагая именем собственным для обозначения конкретной общности, так и опосредованно — через вариации элементов лингвистических структур, ареал которых может совпадать с границами биологической системы.

Рассмотрим этот тезис на конкретных примерах из эволюции структурной подразделенности меннонитов. В истории этой этноконфессиональной общности обращает на себя внимание целый ряд расколов, сопровождавшихся острой борьбой размежевавшихся группировок, взаимными отлучениями от церкви и т. п. Каждая из таких групп получала имя или прозвище от своих противников. Таковы *ламисты* и *зоннисты*, а затем *фламинги*, *ватерландцы* и *фризы* в Нидерландах XVI в., расколовшиеся позднее на данцигских и гронингенских фламингов и *строгих* и *умеренных* фриз в Западной Пруссии XVII в. В России и фризские, и фламандские общины подверглись дальнейшим расколам. Так образовались *гюпферы*, *альянсовцы*, *братские* и *церковные* меннониты, *Малая община*, *община Петерса* и др. С точки зрения эволюции популяционной структуры важен тот факт, что члены отклонившихся общин не вступали в брачные отношения с бывшими единоверцами<sup>12</sup>, часто мигрируя за пределы меннонитских округов. Эндогамные барьеры, возникавшие в результате конфессионального размежевания, оказались весьма устойчивыми и были перенесены позднее на территорию США и Канады, куда в 1870-е годы эмигрировала значительная часть новороссийских общин. Таким образом, конфессионимы надежно фиксируют процесс усложнения популяционной структуры, выделяя группы популяций. Оттопонимические названия приходов (конгрегаций), относящие-

<sup>9</sup> Weiss K. M. et al. Where Art Thou, Romio? Name Frequency Patterns and Their Use in Automated Genealogy Assembly. — In: Genealogical Demography. N. Y., 1980, p. 41—61.

<sup>10</sup> Ibid., p. 58.

<sup>11</sup> Их обзор см. в материалах американской конференции (г. Юджин, март — апрель 1982 г.), опубликованных в тематическом выпуске журнала «Human Biology» (May 1983, v. 55, № 2) и «American Journal of Physical Anthropology» (1982, v. 57, № 2); см. также: Cavalli-Sforza L. L., Bodmer W. F. The Genetics of Human Populations. San-Francisco, 1971, p. 475—478; Grow J. F. The Estimation of Inbreeding from Isonymy. — Human Biology, 1980, v. 52, p. 1—14.

<sup>12</sup> Бондарь С. Д. Секта меннонитов в России. Пг., 1916, с. 130.

ся, как правило, к группе меннонитских сел<sup>13</sup>, также отражали один из уровней популяционной структуры. Конкретизация этого уровня на материалах брачных связей меннонитских сел Хабаровского района (Алтайский край) показала, что меннонитский приход преимущественно эндогамен (от 73 до 97% браков) и совпадает с границами популяции. Следовательно, названия приходов (Блуменфельдский, Орловский, Розенхофский и т. д.) также несут информацию о популяционных структурах.

До сих пор не исследованной остается проблема топологического соотношения популяционно-генетической и топонимической систем. Совпадают ли границы топонимической (микротопонимической) системы с границами какого-либо уровня в иерархии популяций? С другой стороны, является ли топонимия уже выделенной по брачным связям генетической популяции специфичной по сравнению с топонимией родственных популяций? Так как модус локальной изменчивости присущ обеим системам, не следует сразу отвергать возможность параллелизма изменений в них. Иное дело, что сама постановка этой проблемы, быть может, несколько преждевременна в связи с малой разработанностью критериев границ топонимических систем. В уже упомянутой статье Ю. А. Карпенко назван ряд условий, при которых эти системы могут считаться различными. Главными, по его мнению, являются различия в наборе действующих словообразовательных моделей, в этимологической языковой принадлежности топонимов данной территории, в комплексе местных географических терминов, обслуживающих топонимическую систему. Выделены еще три дополнительных области различий: в лексической базе топонимов (например, в удельном весе антропонимии в составе этой базы); в насыщенности системы, измеряемой числом топонимов на км<sup>2</sup>; в степени устойчивости географических названий разных классов<sup>14</sup>.

В поисках ответа на вопрос о специфичности топонимии родственных популяций мы проанализировали немецкоязычную топонимию заведомо разных популяций меннонитов Западной Пруссии, Новороссии; дочерних колоний в Крыму, на Украине и Кавказе, в Омской губернии и на Алтае; в Парагвае. Топонимические материалы (ойконимы) Западной Пруссии охватывают территорию основной зоны расселения меннонитов — дельты Вислы (Данцигский, Большой и Малый Мариенбургские вердеры и земли г. Эльбинга на 1772 г.) и низменностей в долине Вислы (Сартовицко-Нейенбургской и Кульмской на 1750 г.)<sup>15</sup>. Для территории Новороссии рубежа XVIII—XIX вв. использованы 76 ойконимов «маточных» Хортицкого и Молочанского округов. Ойконимы меннонитских колоний, возникших в процессе расселения безземельных меннонитов из двух названных округов (1840—1914 гг.), были учтены отдельно, при этом для дополнительного сравнения выделена группа из 27 ойконимов алтайских меннонитских поселений. Отдельно оценивался и топонимикон парагвайских колоний Менно (основана в 1927—1932 гг. прусско-российскими меннонитами из Канады) и Фернхайд (основана в 1930—1934 гг.)<sup>16</sup>.

<sup>13</sup> Например, в колониях Молочанского меннонитского округа в 1905 г. было 18 приходов, объединявших 22 453 прихожанина, включая детей (Menonite Encyclopaedia. Scottdale (Pa), 1959, v. 4, p. 736); на Алтае в 1913 г. девять приходов объединяли 10 416 душ (Menonitisches Lexikon. Frankfurt/Main, 1913, Bd. 1, S. 126), т. е. в среднем приход объединял около 1200 человек.

<sup>14</sup> Карпенко Ю. А. Признаки молодости топонимической системы, с. 50.

<sup>15</sup> Ludwig K.-H. Zur Besiedlung des Weichseldeltas durch die Mennoniten. Marburg, 1961; Gornowicz H. Toponimia Powiśla Gdańskiego. Gdansk, 1980; Leidung-Mieleckie G. Słownik nazw miejscowych okregu masurskiego. Cz. I. Olsztyn, 1947; Rospond S. La re-baptisation des noms de lieux dans les territoires recouverts en Pologne. — In: Les noms de lieux et le contact des langues. Québec, 1972, p. 97—112; Zabrocki L. Kilka uwag o nazwach pomorskich. — Slavia Occidentalis, 1948, t. 19, s. 398—402; Lorentz F. Preussische Ortsnamen und Appellative in Namen in Raum der unteren Weichsel. — Zt. für Slawistik, 1966, Bd. II, № 2, S. 243—250; Siciński B. Patronimiczne nazwy miejscowe na Pomorzu. — Onomastica slavogermanica, 1973, № 8, S. 43—84; Treder J. Toponimia byłego powiatu puckiego. Gdańsk, 1977.

<sup>16</sup> Quiring W. Deutsche Erschliessen den Chako. Karlsruhe, 1937.

**Частоты формантов в ойконимии меннонитов**

| Формант                              | Регионы             |            |                     |          |       | Без ойко-<br>нимов-ми-<br>грантов | Ойконимов<br>по всем<br>регионам |
|--------------------------------------|---------------------|------------|---------------------|----------|-------|-----------------------------------|----------------------------------|
|                                      | Западная<br>Пруссия | Новороссия | дочерние<br>колонии | Парагвай | Алтай |                                   |                                  |
| -au                                  | .1967               | .1842      | .1013               | .0556    | .0370 | .1723                             | .1639                            |
| -bach                                | —                   | .0263      | —                   | —        | —     | .0062                             | .0047                            |
| -berg(e)                             | .0335               | .0395      | .0127               | —        | —     | .0338                             | .0281                            |
| -bude(n)                             | .0126               | —          | .0127               | —        | —     | .0123                             | .0094                            |
| -burg                                | .0084               | .0132      | .0127               | —        | —     | .123                              | .0094                            |
| -dori(f)                             | .1172               | .0526      | .0506               | —        | .0370 | .0954                             | .0843                            |
| -eck                                 | .0042               | —          | .0127               | —        | —     | .0062                             | .0047                            |
| -feld(e)                             | .0628               | .1184      | .2658               | .3056    | .4074 | .1231                             | .1311                            |
| -gart                                | .0126               | .0132      | —                   | .0278    | —     | .0154                             | .0117                            |
| -garten                              | .0084               | —          | —                   | —        | —     | .0062                             | .0047                            |
| -hagen                               | .0167               | .0263      | —                   | .0278    | —     | .0154                             | .0164                            |
| -heim                                | .0042               | .0526      | .0380               | .1111    | .0740 | .0277                             | .0281                            |
| -hof(f)                              | .0460               | —          | .0380               | —        | .0370 | .0400                             | .0328                            |
| -horst                               | .0377               | .0263      | —                   | —        | —     | .0277                             | .0258                            |
| -huben                               | .0167               | —          | —                   | —        | —     | .0123                             | .0094                            |
| -kampe                               | .0126               | —          | —                   | —        | —     | .0092                             | .0070                            |
| -krone                               | —                   | .0263      | .0253               | —        | .0370 | .0062                             | .0094                            |
| -land                                | .0084               | —          | —                   | .0278    | —     | .0062                             | .0070                            |
| -ort                                 | .0209               | .0263      | .0380               | .0556    | .0370 | .0154                             | .0281                            |
| -ruh(e)                              | —                   | .0132      | .0127               | .0833    | —     | .0092                             | .0117                            |
| -sack                                | .0126               | —          | —                   | —        | —     | .0092                             | .0070                            |
| -see                                 | .0167               | .0132      | .0127               | —        | .0370 | .0062                             | .0141                            |
| -sta(e)dt                            | .0042               | .0263      | .0253               | .0278    | .0740 | .0092                             | .0141                            |
| -t(h)al                              | .0126               | .0921      | .2025               | .0833    | .0740 | .0492                             | .0679                            |
| -wald(e)                             | .0669               | .0132      | .0127               | —        | .0370 | .0554                             | .0422                            |
| -weide                               | .0126               | .0526      | .0127               | —        | —     | .0215                             | .0187                            |
| -wiese                               | —                   | .0132      | .0127               | .0278    | .0370 | .0062                             | .0070                            |
| -wohl                                | —                   | .0263      | —                   | —        | —     | .0062                             | .0047                            |
| Число ойко-<br>нимов в ре-<br>гионе: | 239                 | 76         | 79                  | 36       | 27    | 325                               | 427                              |

Сравнение проводилось по 28 наиболее распространенным формантам с помощью известного статистического критерия «хи-квадрат» ( $\chi^2$ ), позволяющего оценить близость двух распределений путем сравнения теоретических и эмпирических частот при данном количестве степеней свободы ( $\eta$ ) и с определенным уровнем вероятности ( $P$ ). Статистическая значимость различий определялась по таблицам математической статистики.

Различия между частотами этих формантов в прусском и новороссийском топонимиконах (таблица, графы 2 и 3) оказались высоко достоверными:  $\chi^2=298$  ( $\eta=27$ ,  $P=0,02$ ); между маточными и дочерними колониями (графы 3 и 4) — невысокими, но статистически значимыми:  $\chi^2=41,8$  ( $\eta=27$ ,  $P=0,05$ ). Анализ алтайских ойконимов на фоне ойконимии маточных колоний (графы 3 и 6) дал относительно низкий уровень значимости:  $\chi^2=35,2$  ( $\eta=27$ ,  $P=0,2$ ), однако дополнительное сравнение частот 20 формантов, величины которых очевидно отклонялись от теоретически ожидаемых, обнаружило достоверные различия:  $\chi^2=35,2$  ( $\eta=19$ ,  $P=0,05$ ). Достоверно различаются и топонимические системы Парагвая и Новороссии (графы 3 и 5):  $\chi^2=42$  ( $\eta=27$ ,  $P=0,05$ ). Таким образом, топонимия родственных, но заведомо различных популяций оказалась достоверно различной, что позволяет использовать частоты формантов для анализа популяционных структур в прошлом.

Еще одним неисследованным аспектом отражения в топонимии популяционно-генетических структур является проблема определения границ так называемого «топонимического сгущения». Возникновение таких «сгущений» (в терминологии В. Н. Топорова) представляет собой одно из проявлений топонимического закона ряда<sup>17</sup>. Антрополога,

<sup>17</sup> Никонов В. А. Закон ряда..., с. 57—59, 61—62.

исследующего структуры исторических популяций, скорее, однако, интересует не топонимический ряд, способный охватывать тысячи топонимов и огромные территории (например, ряд славянских топонимов с формантом *-ск*), а именно топонимическое сгущение типа: Нойтайх — Нойтайхсдорф — Нойтайхервальд — Нойтайхерхинтерфельд — Нойтайхерштадтфельд (пример из топонимии Большого Мариенбургского вердера XVIII в.). Такое сгущение указывает на особый характер дискретности топонимического поля<sup>18</sup>, с одной стороны, а с другой — представляет собой микросистему, отражающую определенный социальный процесс (распространение одной из форм землевладения, экспансию популяции и т. п.). Очевидно, соотношение границ таких микросистем с границами биологических систем разного иерархического уровня будет различным в разные исторические эпохи и у разных народов<sup>19</sup>. Но уже теперь можно предполагать, что связи населения внутри такой микросистемы (в том числе и биологические) будут теснее, чем за ее пределами, в слабоорганизованном топонимическом поле.

Большая информация о структурах популяций содержится и в антропонимии, хотя антропологи используют лишь ее часть — патронимы. Системы личных имен (именники) способны отражать разделение больших популяций на ряд подгрупп, так как социальные барьеры разных степеней проницаемости, коль скоро они возникли внутри популяции, автоматически приводят не только к генетической, но и к микросоциальной дифференциации. В генетике широко используются модели подразделенных популяций с учетом действия различных барьеров (географического, конфессионального и т. п.) и величин их проницаемости (миграции в популяцию). Данные социологии также говорят о процессах социальной дифференциации в структурированных общностях. Например, при изучении конфессиональной структуры меннонитов США бросается в глаза своеобразная «диффузия» их культовой практики, варьирующей от общины к общине, — результат их последовательного конгрегационализма, полкой автономии общин в делах веры. Таким же образом возникают и накапливаются различия в именниках общин. Параллелизм дифференциации антропонимических и биологических систем также может стать достаточно надежным основанием для суждений о родстве популяций, расстоянии между ними и т. д.

**2. Индикаторы этнических ареалов.** Реконструкция ареалов расселения этноса представлена в ономастической литературе наиболее широко и является традиционной задачей топонимических исследований. Несмотря на многочисленные ошибки<sup>20</sup> при попытках совмещения топонимических ареалов и этнических территорий, эта проблематика продолжает привлекать исследователей, преодолевающих существующие трудности. Ниже мы подробнее рассмотрим категорию так называемых топонимов-мигрантов, маркирующих процессы расселения этноса. Сейчас же остановимся на отражении в онимах некоторых этнических явлений и процессов. Особого внимания заслуживает проблема этнических границ. Исследователями неоднократно отмечался тот факт, что топонимы, имеющие в своем составе этноним (этнотопонимы), маркируют, как правило, не центр, а периферию, т. е. границы расселения этноса<sup>21</sup>. Это явление отчетливо прослеживается и в западнопрусской ойконимии (ср. Польское и Немецкое Вангерау; Немецкий Вестфален в Сартовицко-Нейенбургской низменности).

<sup>18</sup> *Топоров В. Н.* Некоторые соображения в связи с построением теоретической топонимистики. — В кн.: *Принципы топонимики*. М.: Наука, 1964, с. 20.

<sup>19</sup> Ср. поставленную в статье Б. А. Серебренникова (О методах изучения топонимических названий. — *Вопр. языкознания*, 1959, № 6, с. 50) проблему соответствия топонимических ареалов и ярусов археологических культур.

<sup>20</sup> О них см.: *Соболевский А. И.* Как исследовать местные названия. — *Изв. отдела русского языка и словесности АН*, 1919, вып. 23, с. 183—186; *Попов А. И.* К вопросу об использовании данных экономики и топонимики в историческом исследовании. — *Вестник ЛГУ*, 1948, вып. 3, с. 153—156; *Никонов В. А.* Топонимика в историко-географической этнографии. М.: Наука, 1964.

<sup>21</sup> См.: *Никонов В. А.* Топонимика в историко-географической этнографии.

В числе индикаторов этнических границ отмечено также явление многоименности географических объектов в зоне лингвоэтнического взаимодействия<sup>22</sup>. Возникновение топонимов-дублетов и топонимических калек свидетельствует о наличии двуязычного населения, что в свою очередь часто говорит о размывании эндогамного барьера этноса.

Топонимия может хранить информацию о характере межэтнических контактов, их глубине и интенсивности. Такую информацию могут дать не только субстратные топонимы, но и топонимический диапазон пришлого населения, т. е. соотношение географических объектов, поименованных на языке пришельцев, и объектов, сохранивших названия автохтонного населения. Чаще всего иммигранты приносят с собой ойконимию (это демонстрирует и история расселения меннонитов), гораздо реже — топонимы тех классов, которые именуют естественные географические объекты (гидронимы, оронимы и т. д.).

По мнению одного из исследователей, на взаимодействие разноразличных топонимических систем влияют такие факторы, как степень общей и топонимической освоенности территории, с которыми связаны этнические процессы, и последовательность освоения этих территорий различными лингвоэтническими группами населения. В числе других факторов он называет количественное соотношение взаимодействующих групп, срок пребывания мигрантов на данной территории, ландшафтное разнообразие местности, особенности языковых систем и др.<sup>23</sup> Он же отмечает интересное явление при складывании новой лингвоэтнической общности, которое можно обозначить как сужение топонимического диапазона: «Микрообъекты, выделенные в свое время местным населением, могут оказаться вне поля зрения»<sup>24</sup> вновь сложившейся общности. Таким образом, не только наличная топонимическая система, но и исчезновение ряда прежде зафиксированных на этой территории топонимов нередко говорит о процессе этнического смешения.

**3. Индикаторы этнических миграций.** В современной топонимике разрабатываются классификации топоформантов (аффиксов и основ географических названий), в которых большинство формантов получает не только этническую привязку, но и собственные хронологические и пространственные рамки: поскольку «ареал форманта всегда отпечаток истории — он связан с определенной общностью населения определенной территории в определенное время»<sup>25</sup>. Особого внимания при исследовании этнических миграций в прошлом заслуживает проблема перенесенных названий, или топонимов-мигрантов. Существуют первые попытки типологизации имен этого рода. Так, еще в 1945 г. С. Б. Веселовский отметил, что следует различать миграцию названий, свидетельствующую о культурных влияниях и заимствованиях, и «колонизационные передвижения». Последние он подразделял на массовую народную колонизацию и переселение отдельных лиц<sup>26</sup>. Исходя из этого он выделял четыре группы перенесенных топонимов: словесные, массово-колонизационные, лично-переселенческие и сомнительные. В качестве существенных признаков массово-колонизационных топонимов названы несвязанность их этимологий с именами и прозвищами лиц, а также ареальность топоформантов, входящих в их состав. Последний признак наиболее существен, поскольку свидетельствует о перенесении не изолированного названия, а топонимической системы. В дальнейшем

<sup>22</sup> *Simunović P.* Mehrnamigkeit geographischer Objekte und Sprachgrenzen. — *Zt. für slawistische Philologie*, 1978, Bd. 15, S. 64—75; *Spál J.* Die Doppelnamigkeit in der Toponymie Böhmens und Mährens. — *Onomastica slavogermanica*, 1976, Bd. II, S. 105—110.

<sup>23</sup> *Барашков В. Ф.* Топонимия в условиях лингвоэтнической трансформации обособленных групп населения. — В кн.: *Ономастика Поволжья*. Вып. 1. Ульяновск, 1969, с. 97.

<sup>24</sup> Там же.

<sup>25</sup> *Никонов В. А.* Введение в топонимику. М.: Наука, 1965, с. 77.

<sup>26</sup> *Веселовский С. Б.* Топонимика на службе у истории. — *Исторические записки*, 1945, в. 17, с. 36.

эти наблюдения были развиты во многих работах советских топонимистов, что привело к выработке критериев выделения топонимов-мигрантов<sup>27</sup>. В частности, было указано, что одноименность в топонимии соседних территорий может возникать не только в результате миграции, но и при существовании единого типа номинации<sup>28</sup>, что, по нашему мнению, свидетельствует, с одной стороны, о тесном культурном единстве создателей топонима, а с другой — указывает на размеры микро- и мезотопонимических систем (одноименность в рамках одной системы исключается). Последнее свойство ценно и как критерий независимости (относительной изоляции) родственных групп населения, принадлежащих к разным популяциям. Например, в группе ойконимов меннонитских сел на Алтае в период заселения существовало две пары одноименных сел (Лихтфельде и Эбенфельд в славгородской и глядненской группах сел), что позволило выдвинуть гипотезу независимого заселения групп сел Глядни, лежащих в стороне от основного массива меннонитских сел в Славгородской волости. В дальнейшем при сборе полевых материалов в этих селах гипотеза подтвердилась, что позволило рассматривать глядненскую группу в качестве самостоятельной популяции.

Исследователями отмечены такие характерные признаки имен-мигрантов, как их несвязанность с ландшафтом (лексическая немотивированность)<sup>29</sup>, появление у них новых по сравнению с исходным топонимом суффиксов и определителей (ср. *Новоминское*).

Насколько надежными индикаторами массовых миграций могут являться топонимы-мигранты, свидетельствует топонимикон меннонитов в СССР: из 79 ойконимов маточных новороссийских округов (Хортицкого и Молочанского) 50 перенесены из топонимикона Западной Пруссии, причем для большинства из них можно определить округ выхода, поскольку одноименность в прусской ойконимии невелика. Среди ойконимов меннонитов Алтая перенесены 22 названия из 59, причем часть из них фиксирует промежуточный этап миграции — украинские колонии (названия типа Хортица, Гнаденфельд, Фриденсфельд). Из 40 ойконимов парагвайских меннонитов 22 являются топонимами-мигрантами, отражающими и промежуточные этапы расселения: Западную Пруссию (12 ойконимов), Новороссию (девять), Алтай (один). Но этот же пример показывает, насколько осторожным должен быть исследователь, обращающийся к топонимике как средству реконструкции этнических миграций. Ведь появление прусского топонимикона в Новороссии вовсе не свидетельствует о массовом переселении пруссаков на эти земли. Меннониты не принадлежали к прусско-немецкой общности; более того, являясь потомками так называемых «новых» колонистов, они долгое время были «закрыты» для межэтнических заимствований. Прусский же топонимикон был заимствован по целому ряду причин. Одной из них является топонимическая освоенность Западной Пруссии ко времени заселения меннонитами вердеров Вислы в XVI в. Заимствованию способствовало и языковое родство: нидерландские провинции представляли в то время крайнюю западную зону распространения нижненемецких диалектов. В Привисленском Поморье меннониты столкнулись с носителями восточнونيженемецких диалектов (нижнепрусского и восточ-

<sup>27</sup> Никонов В. А. География формантов в топонимии Белоруссии. — В кн.: Питання беларускай тапанімікі. Минск: Вышэйш. школа, 1970, с. 37—48; его же. Платы русской топонимии Горьковской области. — В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький, 1971, с. 168—173; Трубе Л. Л. Перенесенные топонимы Горьковской области и формирование ее населения. — Там же, с. 187—189; Карягин Ф. А. Перенесенные географические названия и их связь с историей заселения Чувашской АССР. — Там же, с. 190—193; Шарипов Р. Топонимия как источник для изучения миграции населения. — В кн.: Тез. докл. науч. студенч. конф. по топонимике. Свердловск, 1983, с. 47—48; Стрижак О. С. Топонімі міграції на Україні. — В сб.: Питання сучасної ономастики. Киев: Наук. думка, 1976, с. 3—11, и др.

<sup>28</sup> Сулина Т. В. Одноименность в топонимии Горьковской и соседних областей. — В кн.: Теория и практика топонимических исследований. М.: Моск. фил. Геогр. о-ва СССР, 1975, с. 53—54.

<sup>29</sup> Жучкевич В. А. Принципы использования топонимии..., с. 61.

нопомеранского)<sup>30</sup>, что говорит о практическом отсутствии серьезных языковых барьеров. Топонимические заимствования закреплялись и юридически: в договорах на долгосрочную аренду земель, заключаемых меннонитами с местными магистратами и нобилитетом, значились прусские ойконимы. Все это объясняет и сам факт заимствования, и причину того, что именно эти, а не нидерландские ойконимы были перенесены меннонитами в Новороссию и на Алтай.

**4. Хроноиндикаторы.** Одним из надежных источников хронологизации широкого спектра этнических явлений и процессов является уже упомянутый формантный анализ. Как верно отмечает В. А. Жучкевич, анализ формантов географических названий является источником информации о времени и условиях возникновения поселения, так как в названии фиксируется период апеллятивной активности основ топонимов<sup>31</sup>. Традиции именования людей и географических объектов имеют собственное время бытования, что позволяет по характеру номинации датировать исследуемый объект. В случае с бесписьменными народами эта информация является зачастую уникальной, но и у народов с длительной письменной традицией смена типов номинации, распространение новых, прежде редких формантов всегда маркирует социальные процессы, иначе ускользающие от внимания исследователей. Например, топонимикон прусских меннонитов на рубеже XVIII—XIX вв. характеризуется резким ростом частоты форманта *-фельд*, указывающего на массовое возникновение выселок и хуторов на осушаемых землях Большого и Малого вердеров в дельте Вислы. Распространившаяся топонимическая модель, определяющая не только время основания поселения, но и место выхода первопоселенцев (ср. Лихтенау — Лихтенауэрфельд), была затем перенесена на территорию России, где стала одной из наиболее продуктивных.

Потенциальным источником датирования явлений по состоянию топонимии может служить известная разница в устойчивости (в другом аспекте — в хронологических границах бытования) топонимов разных классов: например, факт более быстрой смены ойконимов по сравнению с гидронимами. Есть уже первые попытки классификации топонимов по степени их устойчивости в связи с шириной их известности, ареальностью и т. д.<sup>32</sup>

К числу хроноиндикаторов относятся субстратные топонимы, поскольку степень и характер адаптации иноязычного названия иногда позволяет судить о времени поселения пришельцев, усвоивших часть топонимикона аборигенов<sup>33</sup>. Основанием относительного датирования может служить и вся топонимическая система в целом: Ю. А. Карпенко, перечисляя признаки молодой системы, называет ее периферийное положение по отношению к целому ряду топонимических ареалов; множественность словообразовательных моделей, из которых ни одна не имеет решающего перевеса; усиленный темп изменения этой системы, показателем которого может быть многоименность населенных пунктов, а на этапе возникновения системы — высокий удельный вес описательных названий<sup>34</sup>. Проверка этих признаков на такой молодой системе, как топонимикон парагвайских меннонитов, — случае, во многом противоположном тем материалам, которые анализировал Ю. А. Карпенко (для немецкоязычных топонимов не характерны описательные конструкции; вариативность словообразовательных типов в небольшой по численности общности сужается), подтвердила их универсальность: система, как отмечалось выше, является периферийной по отношению к западнопрусской и украинской; среди ойконимов встречаются и описа-

<sup>30</sup> Sanders W. Sachsensprache, Hansesprache, Plattdeutsch. Göttingen. 1982.

<sup>31</sup> Жучкевич В. А. Принципы использования топонимии..., с. 61.

<sup>32</sup> Карпенко Ю. А. Об устойчивости в топонимии, с. 61.

<sup>33</sup> См.: Русинов Н. Д. Роль русских топонимов в датировании этногенеза и в изучении исчезнувших языков. — В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 4. Саранск, 1976, с. 188—192; классификацию форм лингвистической адаптации см. Серебренников Б. А. О методах изучения топонимических названий..., с. 36—50.

<sup>34</sup> Карпенко Ю. А. Признаки молодости топонимической системы..., с. 54.

тельные (ферма И. Функа, Форт-ин-Треволь). Однако вследствие малочисленности меннонитского топонимикона обнаружить его гетерогенность удалось лишь с применением статистического анализа (табл.).

Аналогичные методы хронологизации разрабатываются и в антропонимике. Именник точно так же, как и топонимическая система, подвержен влияниям традиций именования, хронологические границы которых нетрудно определить. Это свойство антропонимикона используется при машинном конструировании родословных<sup>35</sup>.

**5. Индикаторы экологических условий.** Экология является важным аспектом исследования исторических популяций, поскольку наряду с уровнем хозяйства находится в числе важнейших детерминантов популяционной структуры. В силу этого информация о культурных и физико-географических ландшафтах, фауне и флоре исследуемого региона в отдаленном прошлом, содержащаяся в топонимии (а также, вероятно, в зоо-, фито-, и этнонимии многих народов), широко используется в палеонтологических и палинологических работах и дает весьма обнадеживающие результаты<sup>36</sup>. Здесь уместно отметить, что за пределами ономастики в таких областях лингвистического знания, как, например, индоевропеистика, накоплен богатый опыт палеоэкологических реконструкций, где на основе сравнительно-исторического анализа лексики этой языковой семьи, начиная с исследований Боппа, делались многочисленные попытки реконструкции прародины индоевропейских племен<sup>37</sup>.

Опасности, подстерегающие топонимиста при реконструкции этого рода (например, отнесение основ с разными этимологиями — от антропонимической до географо-терминологической в одну группу: Дубровка — Дубки), анализировались многими, и мы не будем здесь на них останавливаться. Важнее отметить, что сам тезис об отражении в топонимии ландшафтного облика территории в древности должен приниматься с известной осторожностью, учитывая выдвинутый В. А. Никоновым принцип относительной негативности топонимии<sup>38</sup>, суть которого выражается в том, что частотность физико-географических объектов и соответствующих им географических терминов в составе топонимов находятся в отношении обратной пропорциональности, так как в процессе номинации выделяется не типичное, а особенное (ср. пример В. А. Никонова: термин «колодец» в составе топонимов чаще встречается не там, где много колодцев, а в наиболее засушливых районах). Однако уже сегодня видно, что степень проявления этого принципа различна на разных территориях, что поднимает вопрос о географии самого принципа относительной негативности, тесно связанный с проблемами психологических особенностей номинации у разных народов, представителей различных культурно-хозяйственных типов и т. д. Сказанное не означает, что топонимия мало пригодна для реконструкции древних форм хозяйственной деятельности, транспортных путей, географических условий территорий в прошлом, но лишь очерчивает границы применимости индикаторов этого класса.

\* \* \*

Завершая этот по необходимости краткий обзор, автор хотел бы отметить, что, хотя для целей антропологических реконструкций пригодно

<sup>35</sup> Weiss K. M. et al. Op. cit., 56—58.

<sup>36</sup> Этой проблематике посвящены сборник Московского филиала Географического общества СССР «Топонимика и историческая география» (М.: Моск. фил. Геогр. о-ва СССР, 1976) и сборник «Географическая среда и географические названия» (Л., 1974); см. также работы Е. Л. Любимовой по реконструкции ареалов древесных пород, выводы которых хорошо согласуются с данными пыльцевого анализа.

<sup>37</sup> Краткий обзор гипотез и их оценку см. в работе С. П. Толстова «Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии» (Сов. этнография, 1950, № 4, с. 3—23).

<sup>38</sup> Никонов В. А. Введение в топонимику... и другие работы; Матвеев А. К. Тезисы о топонимике. — Вопросы ономастики, в. 7. Свердловск: Уральск. ун-т, 1974, с. 5—18.

не все ономастическое пространство, а лишь отдельные его секторы, в особенности антропонимия и топонимия, обладающие широким спектром категорий онимов, для решения целого ряда специальных задач могут быть использованы онимы других сфер — этнонимии, а также малоисследованные возможности мифонимии, астронимии, зоо- и фитонимии. Сложившиеся к настоящему времени связи между ономастикой и антропологией пока не соответствуют уровню знаний в этих науках. «Внелингвистичность» использования антропологами ономастических материалов (например, преимущественно иллюстративное использование топонимии в этногенетических работах; игнорирование некоторых лингвистических аспектов антропонимии в популяционно-генетических исследованиях) обедняет их возможности в качестве источника зачастую уникальной информации. Знакомство с современной методологией ономастических исследований должно стать одной из граней научного кругозора антрополога.

**Н. Н. Кулакова**

**ГАИТИЙСКИЙ КРЕОЛЬ  
В XVII—XVIII ВЕКАХ: ЯЗЫК  
КАК ЭТНООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР**

Республика Гаити с первой трети XVII в. до 1804 г. была французской колонией, куда из Африки ввозились во все возрастающих количествах негры для рабского труда на плантациях сахарного тростника. К 1789 г. — началу событий революционной войны в Сан-Доминго (название колонии), результатом которой было создание первой в мире негритянской республики, там жило больше 450 тыс. негров, около 30 тыс. белых и 27 тыс. мулатов. Хотя на протяжении всего колониального периода негритянское население не оставалось стабильным, а постоянно пополнялось вновь прибывавшими рабами, за полтора века в процессе адаптации к жизни в Америке в негритянской среде сложились предпосылки возникновения нового этноса. Специфика этнокультурного развития здесь, как и в других регионах плантационного рабства в Америке, проявилась именно в создании выходцами из Африки своеобразной культуры, качественно отличавшейся от питавших ее африканских и европейских традиций.

Борьба за свободу от рабства, а затем и за политическую независимость, в которой в конце XVIII в. участвовали все рабы Сан-Доминго, дала толчок развитию не только расового и классового, но, по-видимому, и этнического самосознания негров; дальнейшее же самостоятельное существование в рамках собственной государственности укрепило это самосознание, консолидировав тем самым новый этнос.

Огромная роль во всех этих процессах принадлежала языку как одной из важнейших предпосылок и одному из важнейших условий сложения и существования этнических общностей, так как «механизм объективных процессов, которые ведут от предпосылок к реализации их результата — это комплекс различных и прежде всего языковых коммуникаций»<sup>1</sup>.

Формированию гаитийского языка — креоля, ставшего в колониальный период средством общения не только белых и негров, но и общим языком этнически пестрой массы рабов, и посвящена эта статья, причем основное внимание уделяется в данном случае взаимодействию африканских языков и французского языка.

<sup>1</sup> Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Языковые коммуникации и этническая консолидация. — В кн.: Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М.: Наука, 1975, с. 16.